

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**Самаркандский государственный университет
им. Алишера Навои**

Филологический факультет

Кафедра мировой литературы

***ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ УЗБЕКИСТАНА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «ЗВЕЗДА ВОСТОКА»)***

выпускная квалификационная работа

студентки IV курса ЛИПАТОВА ЕВГЕНИЯ

Научный руководитель – доц.Алимова Д.Х.

САМАРКАНД – 2014

ЛИПАТОВА ЕВГЕНИЯ

ТЕМА: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ УЗБЕКИСТАНА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «ЗВЕЗДА ВОСТОКА»)

Науч. рук. – доц.Алимова Д.Х. Рецензент – преп.Зикириллаев Б.Н.

ВВЕДЕНИЕ

Выбор темы. Русскоязычные писатели Узбекистана (Михаил Гар, Владимир Баграмов, Николай Васильковский и др.) успешно осваивали свой талант на протяжении всего XX века. В Узбекистане сложилась достаточно авторитетная школа русскоязычных поэтов, представители которой внесли достойный и весомый вклад в мир литературы. И это явление нуждается в серьезном исследовании, что послужило основным мотивом в выборе данной темы.

Актуальность исследования. Своеобразие русскоязычной литературы Узбекистана ощущает потребность в серьезных исследованиях, направленных на всестороннее изучение факторов формирования и схематическое совершенствование художественных жанров рассматриваемого периода. В этом заключается **актуальность** нашей работы, которая требует дальнейшего рассмотрения причин и закономерностей появления и особенностей литературно-эстетических взглядов этого периода, традиционности и обновления в художественной литературе, что в целом позволит раскрыть суть русскоязычной литературы исследуемого периода (середина XX – начало XXI вв.) на материале журнала «Звезда Востока».

Степень изученности. Литературные проблемы рассматриваемого периода достаточно ясно отражены в трудах ученых Узбекистана.

Так, в 1977 году в Ташкенте вышел в свет библиографический справочник «Писатели Узбекистана XX века», который представил собой состав писательской организации по состоянию на 1 марта 1976 года. Здесь представлены все писатели Узбекистана XX века. Краткие сведения

биографического характера, общественно-трудовая и литературная деятельность художников слова встречается на страницах этой информативной книги.

В предисловии к данному изданию Л.Каюмов отмечал следующие обстоятельства, послужившие причиной появления справочника: «Литература Узбекистана – неотъемлемая, составная часть мировой литературы»¹.

Важным событием в узбекском литературоведении 1977 года, возможно, был труд авторского коллектива, получивший название «Средняя Азия в творчестве русскоязычных писателей»². Здесь предметом анализа стали аспекты обогащения содержания – появление новых тем, мотивов, сюжетов и характеров в творчестве писателей и поэтов Узбекистана XX века.

Наше исследование посвящено изучению проблем развития русскоязычной прозы Узбекистана периода XX – XXI вв. (на материале журнала «Звезда Востока»). В частности, рассмотрена поэтика русскоязычной литературы, степень формирования отдельных жанров метрики и поэзии.

Методология и методы исследования. Методология нашего исследования основана на трудах Президента И.Каримова, трудах Бахтина М.М. («Эстетика словесного творчества»), Лихачева Д.С. («Историческая поэтика русской литературы»).

Среди основных методов исследования выделяются биографический и описательный, в рамках которых лежит изучение мировоззрения писателей Узбекистана XX – XXI вв. (Илона Ильасова, Яна Темиз, Александр Колмогоров и др.).

Цель и задачи. Цель исследования состоит в изучении сложившейся в Узбекистане русской литературной традиции (на материале журнала «Звезда Востока» (середина XX – начало XXI вв.)).

¹ Каюмов Л. Вступительная статья. // Писатели сов. Узбекистана. Библиографический справочник. – Ташкент: Изд. им. Г.Гуляма, 1977, - С.6.

² Средняя Азия в творчестве русских сов. писателей. – Ташкент: Фан, 1977. – С.4.

Исходя из вышеуказанной цели мы можем определить **задачи** исследования:

1. Рассмотреть и осмыслить закономерность и исторические корни развития русскоязычной поэзии и прозы Узбекистана (Александра Давшан, Ирина Родина, Нургали Сыздыкбаев и др.) на материале журнала «Звезда Востока»;

2. Классифицировать и охарактеризовать литературный процесс рассматриваемого периода (Ташкентская и Ферганская поэтические школы);

3. Проанализировать собранный литературно-критический материал о поэзии и прозе Узбекистана в XX веке (Гульчира Гарипова, Нинель Владимирова и др.) из журнала «Звезда Востока»;

4. Определить развитие различных жанров и категорий в творчестве русскоязычных поэтов и писателей Узбекистана (Саид Халил (афоризмы), Виталий Шевченко (поэзия), Ариадна Васильева (проза) и др.).

Также в нашей работе на основе критерий современного литературоведения изучены: степень формирования художественной прозы (роман, повесть, эссе), ее тематический диапазон и содержание; поэзии (стихотворные произведения), развитие литературного направления и стилевые особенности.

Объектом исследования нашей работы выступают лирические и эпические произведения русскоязычной литературы рассматриваемого периода (Ариадна Васильева «Время осенних птиц», Игорь Эрнст «Твой рейс», Михаил Гар «Золотая пыль махали»).

Предметом изучения работы явились вовлеченные в круг анализа произведения русскоязычных писателей и поэтов Узбекистана (сер. XX – нач. XXI вв.) – Саида Халила (афоризмы и остроумные выражения), Николая Ильина (лирика), Михаила Гара (повесть «Золотая пыль махали», роман «Пыль Вавилона»), Даниэля Васильева (повесть «Сказочник»), Ариадны Васильевой (роман «Время осенних птиц»), Николая Васильковского (повесть «Воспоминания о Фергане»), Александра Колмогорова (рассказ

«Листья тутового дерева») и др., – извлеченные нами из журнала «Звезда Востока».

Апробация работы.

Практическая значимость работы. Материалы, изученные в ходе настоящего исследования, а также результаты исследования могут быть использованы на занятиях по литературоведческим дисциплинам («Литература и Восток», «Компаративистика» и др.) в вузовской аудитории.

Структура работы. Композиционно работа выполнена на 61 странице и состоит из введения, двух глав с системой подразделов, заключения и списка использованной литературы, состоящей из 47 наименований.

Первая глава «Проблемы развития русскоязычной литературной традиции в Узбекистане конца XX – начала XXI вв.» состоит из двух разделов, в которых рассматриваются: история создания и функционирование журнала «Звезда Востока»; термин «художественная речь» в историческом аспекте; Ташкентская и Ферганская поэтические школы и их влияние на развитие русскоязычной прозы исследуемого периода.

Во *второй главе* «Тематические особенности художественного текста русскоязычной прозы и проблематика журнала «Звезда Востока» анализируется функционирование в русскоязычной литературе Узбекистана (лирика Бориса Пака, Николая Буканова, Нины Татариновой; проза Николая Васильковского, Яны Темиз и др.) темы Родины; рассматриваются категории художественного времени и пространства в рамках отдельных произведений (Михаил Гар «Пыль Вавилона»); раскрываются особенности «религиозной», «человечной», «бытийной» тематик произведений (Яна Темиз «Фантомная боль Ташкента», Николай Васильковский «Воспоминания о Фергане», Илона Ильасова «Интервью с отцом»).

В **заключении** к нашей работе собраны и систематизированы полученные в ходе исследования результаты, а также сделаны выводы на основании этих результатов.

ГЛАВА I. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ В УЗБЕКИСТАНЕ

конца XX – начала XXI вв.

Раздел 1. О журнале «Звезда Востока» как отражении литературной традиции в Узбекистане

Свое существование журнал «Звезда Востока» начал с 1932 года. С этого времени название его многократно изменялось – «Советская литература народов Средней Азии», «Литературный Узбекистан», «Литература и искусство Узбекистана»¹. Однако нынешнее наименование журнала окончательно утвердилось в 1946 году.

Литературная традиция журнала «Звезда Востока» также претерпевала изменения, связанные с политическими, историческими процессами в развивающемся мире.

На страницах «Звезды Востока» со времени его существования печаталось множество поэтов и писателей (от малоталантливых до высокоталантливых), некоторые из которых в настоящее время признаны классиками в своих жанрах (из современных это – Саид Халил, Ариадна Васильева, Михаил Гар и др.).

С 1966 года начался тихий и спокойный, процветающий этап в развитии журнала. В этот период на страницах его публиковались лучшие литературные произведения Сергея Бородина («Звезды над Самаркандом»), Адыла Якубова, классика русскоязычной литературы Узбекистана Явдата Ильясова. «Среди постоянных авторов того времени – писательница Татьяна

¹ См.: www.zvezdavostoka.uz

Сергеевна Есенина, дочь поэта, А.Вулис – литературовед, предпринявший первую попытку вызволения из небытия романа «Мастер и Маргарита»¹.

Ярким лучом, пронзившим печатавшиеся в то время издания журнала, стали приключенческие и фантастические романы и повести. Примечательно, что на страницах «Звезды Востока» практически впервые читатель встретился с русским переводом «Корана». Это время в развитии журнала «Звезда Востока» вполне обосновано именуют пиком его процветания.

Наряду с традиционной литературой Узбекистана на страницах журнала стали появляться произведения андеграунда. Идею наполненность всех этих произведений составляли философские, духовные, исторические начала. Благодаря новым литературным виткам журнал «Звезда Востока» стал известен далеко за пределами Узбекистана. Так, «в 1992 году журнал был выдвинут на Букеровскую премию, даже вошел в его шорт-лист, что уже само по себе являлось признанием его литературного авторитета на мировом уровне»².

В дальнейшем в связи с экономическими проблемами тираж журнала резко падает, однако, в 2006 году началось восстановление его редакционной деятельности. «Немалую помощь в становлении журнала сыграли Общественный фонд поддержки независимых средств массовой информации Узбекистана, выделивший грант по одному из литературно-публицистических проектов журнала, а также постоянно поддерживающие его Союз писателей Узбекистана и АК «Матбуот таркатувчи»³.

В «новый» период существования журнала «Звезда Востока» узбекистанцам и жителям «азиатского» пространства стали известны имена Дмитрия Косырева (роман «Любимая мартышка дома Тан»), Сухбата Афлатуни (повесть «Случай на пляже») и др.

На современном этапе (XX-XXI вв.) страницы «Звезды Востока» исполнены произведениями таких писателей и поэтов, как Саид Халил,

¹ Там же.

² www.zvezdavostoka.uz

³ Там же.

Нодир Норматов, Николай Ильин, Борис Пак, Виталий Шевченко, Улугбек Хамдам и мн. др. Отдельно можно выделить и «начинающих» поэтов и писателей: Даниэль Васильев, Яна Темиз, Николай Попов и др.

Таким образом, литературный период журнала «Звезда Востока» многократно изменялся, менялись направления, стили произведений. Однако влияние «Звезды Востока» на литературную традицию современной русскоязычной прозы и поэзии имеет большое значение для дальнейшего развития журнала и литературы Узбекистана в целом.

Раздел 2. Художественная речь и поэтические школы Узбекистана

Среди различных видов речи, общественно направленных по своему содержанию, речь художественных произведений отличается некоторыми специфическими особенностями и занимает особое место в литературоведении.

С помощью слов художественной речи писатели воспроизводят те индивидуальные черты и подробности жизни своих персонажей – их действий, отношений, переживаний, окружающей обстановки, - которые составляют в своем целом предметный «мир» произведения и в которых проявляются интересующие писателя существенные особенности изображаемой им жизни. Именно поэтому слова и обороты национального языка и получают в художественной речи то образное значение, которого они обычно не имеют в других видах речи.

С помощью различных оттенков значения слов и их интонационно-синтаксических связей писатели выражают свое идейно-эмоциональное отношение к существенным особенностям изображаемой жизни, пафос своих произведений. Вследствие чего речь художественных произведений всегда обладает эмоциональной выразительностью. Данный аспект именуется **образно-экспрессивная речь**.

Нужно отметить, что художественная речь не всегда соответствует «нормам» национального литературного языка. У всех народов (в том числе

и узбекского) словесное творчество возникало в принципе гораздо раньше, чем формировался их литературный язык.

Так, произведения устного народного творчества хранились и до сих пор хранятся в памяти народных певцов и сказителей той или иной эпохи, или являются их собственным творчеством. Среди узбекских народных певцов слова ярко выделяются А.Навои, Абдулла Каххар, Абдурауф Фитрат и др.

Становление литературного национального языка происходит у того или иного народа, ставшего на путь прогрессивного культурного развития, когда литературная (художественная) речь приобретает наибольшее значение, когда происходит «культурный», «аксиологический» обмен народами. В такой среде появляются ростки изучения литературного творчества того или иного народа.

Так, в среде изучения узбекской литературы ярко выделяются две поэтические школы Узбекистана: Ташкентская и Ферганская. С 1990-х годов возникает уникальное литературное течение, объединившее эти две поэтические школы. Состояло оно в объединении русского, восточного и европейского мироощущений. Тогда стали появляться первые литературные произведения писателей Ташкентской и Ферганской поэтических школ: на страницах журналов «Звезда Востока» (1990-1995 гг.), «Дружба народов», а также на страницах литературных сайтов.

Для произведений, опубликованных в этот период, были характерны: узнаваемый стиль, определенная система образов, а также идейная направленность. Однако художественный стиль двух поэтических школ существенно различался.

Так, для ранее возникшей – Ферганской школы – русский язык произведений был скорее формальностью «не по любви, а по необходимости»; его традиции и культура не представляли особого интереса. Свои духовные импульсы, мировоззрение и мироощущение представители данной школы черпают из художественных изысканий Средиземноморья (Сальваторе Квазимодо, Э.Монтале и др.). «Произведения «ферганцев» - это

глубокая, жесткая и холодноватая экзистенциальная проза-поэзия (излюбленная форма – верлибр). Она максимально деперсонализирована, отстранена, близка по смыслу и жанру философским откровениям об устройстве, распаде и метаморфозах мироздания. Место и участь человека не оговариваются, но напрашивается вывод, что они не завидны»¹. Среди представителей Ферганской поэтической школы заметно выделяются Хамдам Закиров, Хамид Измайлов, Шамшад Абдуллаев и др.

С точки зрения осмысления философии мировоззрения Ферганской школе противостоит Ташкентская поэтическая школа (Санджар Янышев, Сухбат Афлатуни, Вадим Муратханов и др.). Для произведений писателей этой литературно-поэтической школы характерен постоянный поиск «внутреннего Ташкента», личной территории, в которой реализуются детали современного (реального) Ташкента, но чаще всего – это Ташкент детства и воспоминаний. Авторы ведут повествование от имени лирического героя, пытающегося во фрагментах мифологии города обнаружить черты собственного мифа. Произведения «ташкентцев» отличаются теплой интонацией, стремлением ненавязчиво передать поиск своей «внутренней родины», собственных начинаний и устремлений.

Однако в Узбекистане действуют не только поэтические школы. И в связи с появлением русских литературных школ в кругу литературоведов не умолкают споры о проблеме принадлежности их к классу русскоязычной или к классу русской литературы.

Таким образом, в литературной среде Узбекистана можно выделить две поэтические школы – Ташкентскую и Ферганскую, – оказавших огромное влияние на развитие русскоязычной литературной традиции в Узбекистане.

В нашей работе будут исследованы пути развития и становления узбекской литературной традиции на протяжении середины XX – начала XXI вв. и отражение их в текстах художественных произведений.

¹ См.: www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie

ГЛАВА II. ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ И ПРОБЛЕМАТИКА ЖУРНАЛА «ЗВЕЗДА ВОСТОКА»

Раздел 1. Тема Родины в русскоязычной литературе

(середина XX – начало XXI вв.) (поэзия: Андрей Иванов, Нина Татаринова, Светлана Сомова, Борис Пак, Виталий Шевченко и др.)

Русскоязычная поэзия, оставаясь национальной, вместе с тем впитывает в себя инонациональные элементы узбекской культуры. Показательно, что все русские по происхождению поэты создают две родины: а) далекая – Московия с ее березками; б) Узбекистан – с его природой, напоминающей пестрое сюзане.

Появление образов представителей местной национальности в произведениях русскоязычных поэтов явилось результатом их проникновения в психологию народа, взаимодействия с жизнью края, богатой образностью узбекской литературы.

Тема Узбекистана органично вошла в идейно-образную систему, в поэтический мир поэтов и реализуется весьма своеобразно. Эта тема многообразна, и в ней можно выделить ряд аспектов, которые помогают во всей полноте представить Узбекистан, его прошлое и настоящее.

Прежде всего, необходимо выделить **проблемы**, которые лежат почти на поверхности любого русскоязычного художественного текста.

Во-первых, это изображение реальной жизни узбекского народа, отражение местных языковых, культурных, топографических и религиозных реалий, это обращение авторов к историческому наследию узбекского народа, воспевание городов Узбекистана.

Во-вторых, это, собственно говоря, литературная традиция. Таких традиций две – одна, преобладающая, представляет собой традицию русского

классического силлабо-тонического стиха, а вторая – традиции арабско-персидской поэзии и ее тюркской «ветви». Преобладание первой традиции объясняется тем, что русская поэзия в XX веке (через переводы на среднеазиатские языки и напрямую) оказала сильнейшее влияние на местную литературу, вытеснив арабо-персидскую традицию в область исторического литературоведения. Тем не менее, сосуществование в литературном пространстве Средней Азии не одной, а именно двух традиций вполне ощутимо.

В-третьих, это проблема языка. Русский язык в Средней Азии претерпел определенные изменения. Если говорить об Узбекистане, то налицо его упрощение – и лексическое, и грамматическое. Теперь, когда с каждым годом русская «норма» все более размывается, неправильность речи в сочетании с обедненным словарем и упрощенной грамматикой становится все более «нормальной». И все заметнее стремление авторов как-то отразить эту языковую реальность, сделать ее фактом литературы. Впрочем, тенденция эта не является преобладающей, поскольку вопрос языка, будучи тесно связанным со стилем того или иного автора, находится в плоскости индивидуального выбора.

К числу ведущих поэтов 60-80х годов XX века принадлежали Андрей Иванов, Светлана Сомова, Нина Татарина, Борис Пармузин, В.Шевченко, Н. Красильников, Н.Куликов.

Русскоязычные поэты Узбекистана XX века каждый по-своему оригинально открывает чудесную планету «Самарканд». Например, для **Андрея Иванова** Самарканд связан с его детством и последующей поэтической памятью. В первой половине XX века его родители переехали в Ташкент, и перед глазами тогда еще ребенка пронесся весь сказочный мир Востока, что и определило в дальнейшем его творческую судьбу...

О Гур-Эмир! О Гур-Эмир!

Скажи, кому доверил мир

Своей души забытый зодчий,

Когда покинул город отчий?

Поэт удачно использовал прием обращения. Гур-Эмир воспринимается и как памятник архитектуры, и как поэтический образ-символ. Гениальный архитектор создал памятник разума и рук узбекского народа:

*И небо синее блаженно,
Как собственное продолжение,
Несло лазурь в надмирный ярус.
Виденье длилось только миг.
Ушел твой зодчий, Гур-Эмир,
Ушел, а все, чем жил, осталось¹.*

А.Иванов может отклоняться от исторических моделей, которые выработали узбекские и русскоязычные поэты. Так, он обращается к теме молодости, которая переплетается с легендой. И в этом, как нам кажется, поэт сумел освоить новую грань темы. Обычно прошлое Самарканда поэты мифологизируют, у них нет достаточных исторических сведений. Для А.Иванова совершенство не уступает таинственному прошлому:

*Омытый желтый азиатским зноем,
Пропахший солнцем, древностью, садами,
Он необъятно стар и дерзко молод,
Непобедимой молодостью молод.
Его переживаю я как сказку,
Все отданную в будущее сказку.
Все вызывает изумление в ней:
И нрав неукротимый новизны,
Ее крылатый, дерзновенный дух,
И красота, и свежесть новой жизни².*

¹ Иванов А. Полдень моих надежд. – Ташкент: Изд. им. Г.Гуляма, 1973. – С.30-32.

² Там же. – С.237-238.

В лирике Андрея Иванова важное место занимает городской (урбанистический) пейзаж Узбекистана, который состоит не только из цветов, деревьев, парков культуры, водной стихии, но прежде всего видение героя останавливается на современной архитектуре и символике городов-образов Узбекистана. Городом-символом для А.Иванова является Самарканд. В стихотворении «Самарканд» указывается возраст города, который прошел славный и трагический путь:

*В нем мчались озабоченно века,
И страсти, кровь, любовь и честолюбие
Порой рождали каменное чудо.*

А другая поэтесса Узбекистана **Нина Татарина** считала, что в жизни ей повезло, несмотря на всякие катаклизмы истории — революции, голод, войны, лишения... Повезло на учителей и друзей.

И каких учителей!

Первые её стихи заметил Корней Чуковский, веру в истинное поэтическое слово укрепила Анна Ахматова. Оба - корифеи русской литературы, продолжатели серебряного века - в годы войны жили в Ташкенте.

Своей бескорыстной дружбой её одарили такие выдающиеся личности, как живописец Александр Волков, композитор Алексей Козловский, поэтесса Зульфия... - знаковые фигуры в культурной жизни Узбекистана.

И дом её на тенистой улочке с поэтическим названием «Водопадный переулок» в Рабочем городке, где трамвай №10 делал головокружительный круг, был для многих своеобразным очагом культуры. Сюда на гостеприимный огонёк хозяйки спешили все, кто жаждал поделиться прекрасным. Это в конце 40, начале 50-х — писатели и поэты С.Сомова, В.Липко, З.Туманова, Э.Бабаев, Р.Такташ и многие другие.

Нина Татарина (настоящее имя Нина Ивановна Пушкарская) родилась в 1916 году в г. Богучаре Воронежской области. После революции в годы хаоса и разрухи, как многие русские, оказалась вместе с родителями в

Средней Азии. Здесь обрела вторую родину. Спустя годы она напишет об этом периоде проникновенные стихи.

В годы войны работала собственным корреспондентом «Пионерской правды» по Средней Азии. Писала о школьниках, которые после занятий самоотверженно помогали взрослым ковать победу в глубоком тылу: собирали хлопок, шили рукавицы, отправляли на фронт посылки с сухофруктами и одеждой. Знакомила юных читателей тогда необъятного Союза с детской железной дорогой, построенной в парке на территории Комсомольского озера. Материалы её неизменно сопровождались замечательными фотографиями М.Пенсона.

После войны Н.Татаринова окончила театроведческий факультете ГИТИСа им. А. Островского, а с 1950 года вплоть до начала семидесятых заведовала отделом поэзии и искусства в журнале «Звезда Востока». Это её стараниями увидели свет на страницах журнала стихи молодых поэтов того времени — С.Евсеевой, А.Файнберга, Р.Фархади, Э.Орловского, В.Ляпунова, Н. Тарасова. Поэтов неповторимых, со своим «рисунком голоса».

Ныне может показаться старомодным фраза Аристотеля о смысле жизни — «служить другим и делать добро», но Н.Татаринова именно так и жила. Написала ряд ярких поэтических сборников, изданных в разные годы в Ташкенте и Москве, — «Красные маки», «Поиски», «Расстоянья», «Дом и дерево», «Женщина на камне», «Высокий звук», «Граната цвет».

Она перевела на русский язык произведения узбекских поэтов Айбека, Саиды Зуннуновой, Ташпулата Хамида, Айдын Хаджиевой и других. Оставила нам интересные воспоминания о своих встречах и переписке с Анной Ахматовой.

В самом круге излюбленных мотивов и тем стихов ранней Татариновой — красота «азиатской земли», взрывчатая мощь её щедрой природы с годами расширялась и углублялась. Действительно, в набросках к портрету ставшей второй родиной Азии Н.Татаринова поначалу была однотонно-мажорна: «Тюльпаны атласом, как радость горят...», «Поклон весёлых первых маков,

когда макушкой головы они касаются травы, и ножек тонких и мохнатых...», «Торжественные каштаны цветут в азиатском краю»... Но затем из этого несколько однообразного цветочного кипения выкристаллизовались иные детали и штрихи, в которых скупость цвета стала сочетаться с точностью нанесения «Мазка»:

*Может, тоскою по детству верблюжьему,
Краткому, смятому и неуклюжему,
Грустно застыли в ворсинках лиловых
Крупной маслиной глаза... (Караван)*

Здесь всё было прямо в цель: и краткое, смятое, неуклюжее детство верблюжонка, и красивое, но щемящее сердце уподобление верблюда «степному лебедю». А как хорошо было сказано о людях, что идут с караваном, «город далёко за плечи закинув»! И горная река у Татариновой не похожа на обычную, тысячу раз описанную и воспетую «до неё», потому что:

*И заводи ходят у ней ходуном,
Как будто нагретые огненным дном. (Синяя река)*

Река, речка, реченька вскоре «доросли» в стихах поэтессы до символа-обобщения: с одной стороны, вода — дарительница жизни на этой солнечной знойной земле, с другой — изменчивая и бурная стихия так созвучна авторскому внутреннему «я». Одолевала сердце тоска:

*Вода молчит холодная,
Не шелохнёт волной.*

О реке в этих стихах думается как о живом существе, близком и дорогим:

*Я давно не ходила к реке,
Я не слышала плеска волны,
Не держала я в мокрой руке
Голубое литьё тишины...*

Нина Татаринова, прежде всего, по складу души была лириком, пусть камерным, даже интимным, но в лучших стихах ей удавались и

запоминающиеся «выходы» в мысль, философское размышление. Что такое поэзия, как рождается стихотворение? Поэтесса и тут находила весомое и точное объяснение этому «обыкновенному чуду»:

Звонит земля весельем новым,

Вынашивая нам хлеба.

И я вынашиваю слово —

У нас похожая судьба.

Реалии суровой и горькой действительности, жизни «такой, какая она есть», входили в поэтический мир Н.Татариновой, сотрясая, но не сокрушая его. Сначала это война: «Весна 1942 года», «Костыль» и другие, потом — «Ташкентское землетрясение», «Армения»... Военному безумию поэтесса нашла внезапное образное выражение — в картине переправы под бомбёжкой:

И быки ревут на переправе,

Круторогие надёжные быки (!).

Даже «круторогие надёжные быки» не в состоянии устоять перед надвигающимся ужасом. Такова война... От её леденящего дыхания и «вишни в Богучаре больше не цветут»...

Эта же интонация с трудом сдерживаемой душевной боли чувствуется в стихотворении «Когда обрушилась беда»:

Я припадаю чутким ухом

К ... земле,

Чтобы наитием и слухом

Жизнь опознать в твоей земле.

Нет, нет, что ни говорите, а была в прошлом и крепкая дружба, и взаимопомощь, и сопереживание! На каком бы расстоянии люди не жили друг от друга. А как без этого? Без «хашара» не построишь добротный дом, говорят на Востоке.

Чутким ухом и зорким глазом «припадала» Н.Татаринова и к древним камням Бухары, Самарканда, Хивы, которые со временем стали для неё

родными. Ведь нужно «опознать» не только красоту земли, на которой живёшь, любишь, страдаешь, но и её корни, истоки. Цикл «Хорезмская тетрадь» открывался точной и отточенной по стиху «заявкой»:

*Необходимы расстоянья,
Чтобы ударило в глаза
Великолепие ваянья
И минаретов бирюза.*

Все миниатюры этого цикла пронизаны приглушённо-тревожной интонацией, прошлое как бы и манит, и пугает современного человека. В полный голос эта тревога — теперь уже за будущее земли — звучит, как бы сейчас сказали, в «экологических» стихах поэтессы «Ревут пласты палеозоя», «Порубки».

Поэзии Н.Татариновой вообще свойственно интонационное разнообразие, искусное владение словом, красивой звукописью:

*Джида укрыла нас с тобой,
Сама едва жива.*

Многие её стихи напоминают сочные картины раннего Варшама Карахана, такие, как, например, «В чайхане»:

*Я тебя уведу в чайхану
От житейских несчётных тревог
В ту, что выстроил старый Бану
На скрещении трёх дорог.
Ты усадишь меня на супу,
На старинный поблёкший ковёр.
Позовёшь мне лентяйку луну
Из-за строгих гранитовых гор.*

Жизненный и творческий путь поэтессы Нины Татариновой был долгим и напряжённым. И всё сделанное на этом нелёгком пути, яркость и выразительность лучших её стихов наглядно подтверждают состоятельность и плодovitость данного поиска.

Водопадный переулок. Старый кирпичный дом до хрущёвских времён. Тенистый дворик, увитый сквозной листвой вишен и абрикоса. Золотые плоды так и искрятся на солнце. Водопроводная колонка с ледяной водой. Лавочка.

— Подожди. Сейчас придут гости, — это обворожительно-грудной голос хозяйки.

Кто только ни перебивал в разные годы в гостеприимном доме Нины Ивановны! Она любила знакомить новичков с именитыми друзьями. В этом доме я впервые познакомился с дочерью великого поэта земли рязанской Татьяной Сергеевной Есениной, известной журналисткой, писательницей, оставившей нам бесценные мемуары о своём детстве и юности: повести — «Женя — чудо XX века» (под общей редакцией О.Сидельникова), «Лампа лунного света», очерки о С.Есенине, З.Райх, В.Мейерхольде. Здесь не раз я слышал новые стихи Натальи Буровой — поэтессы сильных страстей и трагической судьбы... Сюда торили дорогу и многие молодые поэты, чьи настроения, взгляды на жизнь близко соприкасались с миропониманием самой Нины Татариновой. Среди них были — Константин Аксёнов, Ольга Лебединская. Алла Широнина. Она помогала им мудрым словом, редакторским советом.

И в этом смысле многие считали её своим наставником. На Востоке говорят: бессмертие учителя в его учениках. Очень мудро сказано. И я храню память и низко склоняю голову перед светлым образом Н. И. Татариновой — поэта, женщины, учителя...

ЛЮДИ

*Не потому ль узбекские газели
Так бирюзово улыбались мне,
Что колесницы эллинов гремели
По хорезмийским камням и земле.
Кивали рыжими от роду головами
И их с таким достоинством несли,*

*Как будто греческие статуи во храме
По плитам беломраморным прошли¹.*

Один из главных объектов поэтического творчества Нины Татариновой - Азия, которая удивительно красиво воспета в стихотворениях сборника «Граната цвет»:

*Она кивнула головой –
Поют дрозды,
Сбегают с ближних гор долой
Снегов пласты.
Коснулась голого куста –
Цветет сирень.
Взметнула кверху два перста –
И прибыл день².*

Поэтика названия сборника ассоциируется с Востоком: где «сказочные цветки» граната - «краше зрелищ в мире нет»; где на «Лягане» «Глазурью яснится она, весомая на ощупь, - в окружность блюда внесена гранатовая роща»; где «... цвести рубиновым гранатам и радовать сердца десятки лет» («Радость»). А «узрев две завязи едва» («Граната цвет») Татаринова обрадуется, как другу, и «находит строку» - вот источник поэтического вдохновения поэтессы.

«Азийский край» постигнут поэтессой глубоко. Вся сущность «таинственной земли» Востока передаётся через образы «солнце», «река», «горы» - лейтмотивы, претендующие на знаковые символы. Эти образы-символы «азийской» предстают только весной, в пору неудержимого, торжествующего цветения: «Реченька, тебе даны излучливость апреля и доля добрая, и солнце впереди» («Повеленье»); «Видала я вешней порою, присев на оживший бугор,...как плавно...тюльпаны спускаются с гор» («Горная весна»); «А солнце вешнее смеётся и ликует» («Дюймовочка»).

¹ Татаринова Н. Граната цвет. Изд. литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1985.

² Там же. – С.163.

По Татариновой, у Азии своё дневное светило: «Застелив всю улицу лучами,...солнце Азии над нами зажигает вешний свет» («Весна»). Оно творит чудеса: «горы сдвигает, и льды расправляет» («Рисунок»), а если «...миру улыбнётся, и голос обретёт вода» («Пейзаж»). От солнца «чрезмерных щедрот» - к доброте людей: «Здесь женщины «сестра» зовут друг друга, и в этом столько мира и тепла, как будто бы любовь родного круга я в обращении этом обрела».

Следующий образ, пронизывающий всю лирику Татариновой – река, поскольку «Ничего не может быть милей в зное Азии, чем хауз и ручей» («Цвет»).

Образ «река» всегда сопровождает поэтессу, которая неустанно вызывает к ней: «Речка, реченька, река!», говорит ей: «расти, вбери певучие ручьи», торопит: «беги,...полям напиться непременно надо, и ты теперь себя не береги», повелевает: «Пои!». («Повеленье»).

В стихотворении «А я – река» Татаринова выражает своё предназначение как поэта: «А я – река, Бегу легка ...Чем дальше, Тем скорей... Поить запёкшиеся рты Земли, Любви, Людей...Струя упругая моя До моря не дойдёт, - По каплям, Раздарив себя, Она в песках Умрёт» - в Азии, где хорошо «...работать, радоваться, верить, что люди жизнь поймут, и можно им строку доверить» («Моя улица»).

Описанием нрава «азийской» реки раскрывается характер восточного человека: «Ни льву, ни тигру не дано понять ее «континентальнейший» характер - то чуть журчит по дну, то полнится она и вдруг запениться, вскипит и разъярится» («Река»). Танцующая «девочка-узбечка» изображается через образ речки - «шалуньи резвой», бегущей по камушкам, которая пляшет и поёт «и сто косиц ее, ручьев и рукавов, поят пылающую землю» («Река»). А в стихотворении «Здесь мой дом» ярко проявляется любовь к Востоку, где «...звучания полные реки, словно русская речь...» на веки вечные подчинили сердце поэтессы к «азийской стороне».

В Азии Татаринова постоянно в окружении гор, скал: «Распахнут настежь горный перевал», «Я иду на вольной высоте, где цветут на скалах эдельвейсы». А если «В горах» каменные глыбы, «смерив взглядом, обдадут столетиями» поэтессу, то в её крови вскипит «наследственности зов» - чувство принадлежности к «азийской» земле, и «зов необузданной любви» к ней. «Каменная чаша азийского дна» символизирует безмятежность, покой, душевный мир, непоколебимую веру в счастье: «тут», на Востоке, «отступают беды и недуги». И потому поэтесса заклинает: «Прими меня, великая природа, от суеты позволь передохнуть» («Дороги»).

В татариновских лирических произведениях и река, и гора, и скала оживают - приобретают способность сопереживать, чувствовать то, что испытывает в душе поэтесса: «Даже река застыла, слушая лживые речи, даже скала закрыла туманом голые плечи, даже гора поседела, узнав про такую измену» (Из книги «Поиски»).

Итак, образы-символы «азийской» лирики Нины Татариновой раскрывают идейный замысел сборника стихотворений «Граната цвет»:

1) «Азии свет и тепло предназначены были заранье», для того, чтобы наполнить каждое сердце добротой – это и есть то «ясное пониманье» смысла взаимоотношений людей;

2) непредсказуемый нрав «азийской» реки символизирует природу восточного человека - порой вспыльчивого, а порой хладнокровного. Вместе с тем, через реку определяется принадлежность Татариновой к «азийскому краю», в котором ей «завещано» осуществлять свои поэтические замыслы;

3) «каменная чаша» - есть «хранительный уют» Азии, где можно укрыться от суеты мирской, где не покидает надежда в светлое будущее.

Среди русскоязычных поэтов Узбекистана 60 – 80-х годов XX века особое пристрастие к средствам цветописы проявила **Светлана Сомова**.

«Азийский край» поэтессы поражает своим насыщенным колоритом:

*Медовое таянье знойного лета,
Над рыжими глинами – жаркая*

*Резной тамариск лиловатого цвета,
Ползущий по белому краю пустынь¹...*

Цветовая гамма стихотворений поэтессы состоит из белого, чёрного, жёлтого, синего, серого, зелёного, фиолетового и красного цветов, которые в своём значении символичны.

Белый - любимый цвет Сомовой. Она заливает свой «азиатский край» этим божественным цветом для того, чтобы показать через «блеск белый солнца» - свет и тепло Востока, где и «край пустыни», и «дорога», и «тропинка» имеют общий признак - белый, олицетворяющий счастливый путь.

Белый цвет символизирует жизнь: нежный хлопковый цветок «...как будто сосёт лучей молоко, Как дитя материнскую грудь»; и национальное достояние республики: «И снега белей будет хлопковое волокно, Белым золотом наших узбекских полей Назовётся недаром оно» («Хлопковый цветок»).

С белым образует оппозицию черный цвет, который проходит тонкой нитью через всю восточную поэзию Сомовой: «Я иду по чёрным теневым узорам, по просветам лунным, я иду, иду...». «Теневые узоры» выступают сигналом, предупреждающие о том, что поэтессе за пределами Азии ждут «Трудные дороги. Дальние края».

Поэтесса охотно вводит в свою палитру цвет Солнца, противостоящий ночи – тишине: «И – нарастающий мрак раскололся: Яростно, ярко, нежданно Шаром оранжевым вырвалось солнце Из-за вершины Чимгана» («Чимганский камушек»). Жёлтый цвет – тёплый. Он несёт в себе радость. Им наделены: и «медовое таянье знойного лета», и «рыжая глина», и хлопковый цветок, который «раскрывает венчик желтеющий свой», обращая его на Восток. Через гармонию жёлтого и синего цветов передаётся сердечная доброта города: «Ты радушен всегда и ласков В золотой синеве своей». («Ташкенту»). А «осыпанный солнцем

¹ Сомова С. Красные гвоздики. - М., 1960. – С. 61-73.

порог» - символ гостеприимства, которое сочетает в себе благородство, щедрость, уважения к людям.

В «азиатском крае» Сомовой только вода и небо синие. «Синяя вода» означает чистоту, а небо – мир и спокойствие. «Синева небес» всегда безоблачна, что создаёт ощущение глубины и тайны: «А над нею - неба синий парус, Вздутый ветром, в солнце и в пыли» («Табельщица Зульфия»).

Серый цвет в своем значении предметный. Им обозначены «песок», «дорога», «камушек». Последний образ неотделим от серого цвета. Своей повторяемостью он претендует на символ. Сквозь любовь Сомовой к маленькому чимганскому камушку просматривается ее большая горячая любовь к Азии. «Камушек серый» для поэтессы «как второе солнце», как «друг неисхоженных странствий», сопровождающий ее «на дальней дороге».

Зелёный – цвет растительности: «На рассвете под влажной зелёной листвою Раскрывается нежный листок» («Хлопковый цветок»), «Глиняный дом на зелёном пригорке, Крик улетающих галок Красные листья деревьев и горький Привкус шафрановых яблок» («Чимганский камушек»). Несмотря на то, что зелёный цвет предстаёт осенью, чувствуется его позитивное значение – светлое воспоминание о годах ребячества: «Детство! Тебя словно песню привета, Песню далёкую слышу».

Из всех спектральных цветов «азиатского края» выделяется оттенок фиолетового - лиловый, упоминаемый только в сочетании с белым. Отсюда его эстетика и символика. Вызывая чувство радости, этот цвет передаёт таинственность природы Востока: «резной тамариск лиловатого цвета, ползущий по белому краю пустынь», «лиловый гребень гор Чимгана в пластах, не тающих снегов».

Наиболее активный цвет в лирике Сомовой - красный, который своей повторяемостью уступает лишь белому. Красный цвет символически представляется как цвет силы, здоровья и плодородия «азиатской» земли: «ало-красная заря», «красные листья деревьев», «румяное цветение хлопчатника». А сочетаясь с белым, наделяет чувством безопасности,

уверенностью в завтрашнем дне: «С красным маком на плоской крыше, С белым тополем под окном» («Ташкенту»).

Итак, «азиатская» лирика Светланы Сомовой – своеобразная живописная выразительность. Сложные эпитеты из сочетания двух, а то и трёх красок, обостряют яркость восприятия восточного мира.

В «азиатском крае» поэтессы нет места «холодному» цвету. Все цвета «тёплые». Эстетика цвета в его символике: белый – свет, жизнь; чёрный – ночь, покой; жёлтый – тепло, доброта; синий – чистота, мир, спокойствие; серый – надёжность; зелёный – воспоминание о былом; фиолетовый – радость, таинственность; красный – сила, вера в завтрашний день.

По-разному складываются судьбы поэтов. Одни начинают рано и сразу ярко, сильно, другие набирают свой голос постепенно; одни вдруг, словно бы ни с того, ни с сего, смолкают; у других талант по-настоящему раскрывается лишь в поздние годы, когда никто этого от них уже и не ждал. И так далее. Вариантов сколько угодно.

Наталью Бурову «открыл» еще в середине сороковых годов Владимир Луговской.

Она приехала из Средней Азии в Москву, в Литературный институт, где трудно было кого-нибудь и чем-нибудь удивить, - там собралось тогда немало талантливой молодежи.

Но ее стихи удивляли. Удивляли своей ранней зрелостью, своеобразием. Запахами, звуками, самим воздухом степи и пустыни. Однако этого было, вероятно, недостаточно для долгой серьезной работы, таило в себе опасность самоповторения. Н.Бурова почувствовала это раньше, чем кто-либо другой, инстинкт художника подсказал ей решение: исчезнуть с литературного горизонта. Она уехала. Ее вспоминали, недоумевали: где же она?

А она вернулась в Узбекистан, работала чертежницей, статистиком, ездила с поисковыми партиями по степям, горам и пустыням. И писала

стихи. Ее первая книга вышла в 1965 году в Москве. Сейчас у нее несколько поэтических книг.

Наталья Бурова - своеобразный лирик, обладающий собственной манерой, интонацией, умением сказать непохоже на других. В ее стихах постоянно присутствует ощущение простора кочевой жизни, - не в старом, а в новом понимании этого слова - жизни изыскателей, геологов, топографов, строителей, - жизни беспокойной и прекрасной. И ощущение близости для автора обычаев и нравов этих мест, этих дорогих сердцу людей.

Стих Буровой строг, четок.

«Сухой полированный лед», «речной, губчатый», золотиносный «пластинчатый песок», «глазастая лягушечья икра»¹ - эти примеры говорят о высоком уровне поэтического мастерства.

Поэт рисует нам многочисленные картины, зримые, запоминающиеся:

Свет холодной лунной полосы

Полотенцем падает с окна.

Можно привести многие стихотворения и сочного письма, и четкого рисунка: «Долгие дни в вагоне не было тишины», «У начала больших синеватых степей», «Впереди закричал паровоз», «Вот и мне надоела езда», «Женщина пела» и др. В них есть не только пейзаж, но - обязательно - настроение.

Стихи Н.Буровой отличает психологическая точность, обоснованность. Она знает цену поэтическому слову, как знают в пустыне цену глотку прозрачной воды. Манера ее несуетна, стих таит в себе энергию. Поэт славит своей лирикой подвиг и благородство человека, мудрость жизни, бессмертие бытия.

Среди современных выдающихся поэтов, воспевающих Родину, трудящихся на просторах Узбекистана, следует назвать **Бориса Пака, Виталия Шевченко, Николая Красильникова, Николая Буканова**. Жизнь

¹ Н.Бурова. Зеленые шары . Изд.: им. Г.Гуляма, - Ташкент, 1974.

каждого из этих поэтов наполнена любовью и трепетным патриотизмом, горечью утрат и сладостью приобретений.

О поэте **Борисе Паке** народный писатель Узбекистана А.Якубов написал статью в «Литературном календаре»: «Каждая книга Бориса Пака - подарок читателю. А таких книг он выдал почти два десятка. «Ты по звездам идешь» (1968г.), «Восточные этюды» (1970 г.), «Апрельские рассветы» (1974 г.), «И восходит любовь» (1974 г.) и мн.др. В проникновенных, чистых и звонких стихах воспел он любовь к Родине - Узбекистану, раскрыл богатейший духовный мир окружающих его людей, вдохновенно и ярко показал красоту природы. Запомнились его читателям и раздумья о сложных судьбах взрослых, удивили образностью и тонким юмором детские стихи («Приключения Лялянты», «Как Петрушка съел ватрушку», «Загадки-отгадки», «Голубая арка», вышедшие в издательствах Ташкента и Москвы»¹.

В автобиографической поэме «Нишона» (первый цветок хлопка) поэт писал: «Я знал, что есть поверие в народе: кто самым первым в поле ненароком увидит, как цветок, раскрытый хлопок, сорвет его и принесет сельчанам, тот светлый праздник людям принесет!».

В октябре 1956 г. выходит его первое стихотворение в литературно-художественном журнале Узбекистана «Звезда Востока» «Мы с тобою ведем себя странно», а 12 лет спустя в издательстве им. Г.Гуляма поэт выпускает свой первый стихотворный сборник «Ты по звездам идешь», в котором Борис Пак проникновенно пишет о своем времени, о минувшей войне, о людях труда, об интернационализме. За этим сборником последовали «Апрельские рассветы», «И восходит любовь», «Звездный лебедь» как свидетельства возросшего мастерства.

«Свежий утренний хлеб на столе, его корочка так румяна, что похожа на кромку восхода зари» - так воспевал поэт нелегкий труд хлебороба.

¹ Якубов А. Потомок страны белых аистов. // Литературный календарь, 2007. - №6.

«Твой поцелуй, как истина, был чист, смогу ли пронести его по жизни!» - восклицает Борис Пак, свежо и оригинально решая вечную тему любви.

Музыкальность стихов Бориса Пака такова, что они сами ложатся на музыку. На его стихи известными композиторами России и Узбекистана написаны десятки песен.

Основным содержанием стихотворений Пака Б. является мать-земля, родина, родной край, человек:

*Но креп во чреве матери своей,
в ее глухих*

таинственных потемках

*творец-строитель
первой в мире жизни!*

О торжество

начала всех начал!

О торжество

открытия открытий!

Не знаю я:

гремел ли

гром победно,

Но ЧЕЛОВЕКА

родила

Земля! («Рождение»)

Борис Пак известен и как мастер перевода: благодаря ему на русском языке зазвучали произведения выдающихся и широко известных узбекских поэтов – Навои, Гафура Гуляма, Хайритдина Салаха, Тулкуна, Маруфа Джалилова, Ошика Эркина; каракалпакских поэтов - Халмурата Сапарова, Сагидуллы Аббазова; крымско-татарских поэтов – Сейтумера Эмина, Решида Мурата, Аблязиза Велиева, Биляла Мамбетова, Амета Мефаева.

Богатая, насыщенная жизнь поэта – еще в начале шестидесятых годов прошлого века он принимал участие в создании и выпуске первых номеров «Вечернего Ташкента» и газеты «Тошкент ок'шоми»; работал редактором и заведующим редакцией русской литературы в издательстве художественной литературы и искусства им.Г.Гуляма – оставила неизгладимый след в его творчестве.

Мотив природы родного края просачивается через все творчество Пака. Однако яркое свое отражение она находит в цикле стихотворений о родине:

*Здесь карагач шумит
всегда листвою,
И удивительны здесь лилии...
Замри
и стой.
Любуйся красотой.
Лови движенье
контуров и линий!..
И зреет вечер
в поле черносливом
И рядом –
хлеб спокойною рекой («Гулистанский край»)*

Борис Пак не является коренным уроженцем Узбекистана. Однако с момента своего прибытия им были изучены русский и узбекский языки, поэт стал публицистом и поэтом, горячо полюбил Узбекистан, который навсегда вошел в его сердце, стал второй, любимой Родиной! А свою историческую Родину поэт назвал «Страной белых аистов». Свое трепетное отношение к «стране» Пак Б. изложил в историко-публицистической книге «Потомки страны белых аистов».

Другой поэт **Виталий Шевченко** также прошел тяжелый жизненный путь. Родился он в с. Рашевка Полтавской области (Украина). В 1940 г.

окончил среднюю школу в г. Гадяч, где в местной газете были опубликованы первые стихи поэта.

Великая Отечественная война застала его на Дальнем Востоке, где он служил в кавалерийских войсках. Закончил ускоренное военное училище в г. Комсомольске-на-Амуре, занимался подготовкой и отправкой на фронт маршевых рот.

В течение почти двадцатилетней службы в армии печатался в военной периодике. После увольнения в запас (1960) приехал на Алтай. В 1965 г. заочно окончил Бийский педагогический институт. Работал в отделе писем газеты "Бийский рабочий", городской телестудии, собственным корреспондентом газеты "Алтайская правда" по г. Бийску. В 1969 г. уехал в Узбекистан, где работал редактором республиканского книжного издательства в Ташкенте.

А вот поэт **Николай Красильников** родился в Ташкенте. Расцвет его творчества достиг своей вершины в конце 90-х годов XX века. В этот период выходят его «Глиняный соловей» (1993), «Тайна охотничьего домика» (1994), «Аистиный снег» (1996) и др. Публикации в журналах «Звезда Востока», «Арион», «Нева», «Костер», «Сельская молодежь».

Творчество этого поэта, прозаика, драматурга охвачено как будто постоянным холодом, одиночеством, осмыслением важных душевных переживаний. В стихотворении «Первый снег» передается чувство неизбежности происходящего. Автор умело использует сравнение *мира* и *человека*:

*Что ж, нам не впервой
Холодный ночлег,
Пушистых снежинок бег.
Ведь мир наш –
Светел, как белый снег,
И смутен, как человек.*

Стихотворения Красильникова – яркая палитра красок – от холодных, бедных до радужных, богатых:

*И снова абрикос в саду цветет,
Лиловой пеной окна заливая.
Весь мир как будто соткан из зари,
Невидимых пылинок и томленья. («Поздравление»)*

Слева – рыжая кошка,

Справа – фикус в горшке («Портрет»)

Большая часть творчества Н.Красильникова посвящена родному Узбекистану, его кишлакам и аулам, его жителям и воспоминаниям автора, изложенные красивым и простым слогом в стихах:

*По горам Чимганским лазил я,
Одержимый с детства приключениями.
С кончика ножа не раз ты, Азия,
Потчевала гостя угощеньями.
Разве позабуду я когда —
Хруст лепёшки по краям наколок,
Как бежит по камешкам вода,
Вторя сочным песням перепёлок?
Ведь не зря живут во мне твои,
Сдобренные ароматом тмина, —
Мудрые газели Навои,
И взрывные шутки Насреддина («Признание»)*

Или:

*Старый город,
Детства город,
В улочках, в домах глухих
Молоточков бойкий говор,
Будочки мастеровых («Старый город»)*

Детство – один из самых замечательных периодов жизни поэта. О детстве у писателя много воспоминаний, в которых важное место занимают, казалось бы, незначительные детали. Однако в контексте произведения эти детали становятся образами-символами:

Вторая Сарыкульская,

Трамваями звеня

И семечками лузгая,

Учила жить меня.

Там первый раз я в школу

С ребятами бежал.

И недотрогу Лолу

До дому провожал... («Вторая Сарыкульская»)

Помнишь, в родном переулке? Стайками прилетала

Ива, арык, старичок... Шустрая детвора.

Глиняные свистульки, В знойной азийской истоме,

Штука — всего пятачок. Вдали от садов и полей

Сюда со всего квартала В тесном селился доме

С воплем задорным: «Ура!» Глиняный соловей.

(«Глиняный соловей»)

Заслуженный певец родного края **Николай Буканов** родился в 1919 году в селе Богословка (Воронежская область). Первое стихотворение его «Здравствуй, Крым» (1944 г.) было опубликовано в армейской газете. С этого момента творчество Буканова стало печататься в различных журналах и газетах.

Буканов как поэт глубоко переживал реальность своего времени – война, потери, неизбежность ухода времени. Стихотворения его стали частью самого автора:

Кочевать мне дальше по свету,

Как в былые метельные дни.

Но сегодня всем сердцем поэта

Я пою о садах Ферганы...

*Журчит ли в тишине арык,
Качает ли деревья ветер, -
Нам слышен явственно язык
Годов, веков, тысячелетий...*

Может быть, именно по причине сильных душевных переживаний многие стихотворения Николая Буканова – без названий.

«Азийский», родной край воспет Букановым Н. практически во всех стихотворениях, названия которых говорят сами за себя («Голубая моя Бухара», «В Самарканде», «Озеро Сары-Челек» и др.):

*Купола, медресе, минареты.
Дней ушедших глухая пора...
Только я расскажу не про это,
Ах, седая моя Бухара («Голубая моя Бухара»)*

*Точеные порталы Регистана
Стоят века, как символ красоты.
Какие вдохновенные титаны
Могли такое чудо возвести? («В Самарканде»)*

Творчество этого поэта настолько просто, умиротворенно и красиво, что на некоторые из его стихов положена музыка узбекских и русских композиторов. Примером тому может служить стихотворение «Под синим небом Туркестана» (муз. В.Князева):

*Цветаи радуги играет
У нас апрельская весна.
И я с любовью вспоминаю
Тебя и домик в три окна...*

Один из самых ярких сборников стихотворений Николая Буканова имеет короткое, но емкое название – «Верность». О чем она? О верности в любви? Да, и об этом. Но главное идейное содержание этого сборника –

повествование о верности гражданскому долгу, родной земле, без которой не мыслит себя автор:

*И с тех пор с любовью и мечтою
Мы идем сквозь ветры и года.
Молодая,
С летнею грозою
В жизнь мою вошла ты навсегда...*

В сборник «Верность» вошли стихотворения, написанные автором в последние годы, а также го песни.

Таким образом, тема Узбекистана, тема родины прочно вошла в русскоязычную литературную традицию, реализующую себя в многочисленных поэтических произведениях в трех рассмотренных аспектах.

Рассматриваемый период (вступление в XX век) в культурологическом, социальном, политическом и, конечно же, в литературоведческом аспектах принято именовать феноменом «культурного миллениума»¹. Вот как видит этот переходный период Гарипова Г.Т. (к.ф.н.):

«Феномен «культурного миллениума», как правило, охватывает рубеж двух веков, с одной стороны, подводя итоги эпохи, а с другой, предопределяя культурологические тенденции нового столетия. И рубеж XX – XXI века в этом плане очень показателен.

90-е годы века XX, конденсируя в себе опыт всей эпохи, создали в то же время совершенно новую, ранее не обозначенную атмосферу, в которой социальное, культурологическое и личностное настолько тесно взаимодействуют в мировоззренческом симбиозе «новый мир», что «запрограммировали» и начало XXI столетия на сотворчество с этими новациями на долгий период.

¹ Гарипова Г. Концептуальные тенденции развития узбекской литературы конца XX – начала XXI вв. // Звезда Востока, 2012. – №2. – С.130.

Период рубежа XX – XXI века отличается глобальными, значимыми для всей современной истории новациями во всех социально-политических и культурологических сферах.

С обретением в период Независимости самостоятельности узбекской государственности на новый уровень развития вышли национальная архитектура и живопись, театральное и танцевальное искусства, появился новый импульс в развитии музыки и кинематографа.

Можно отметить во всех сферах развития культуры усиление интереса к национальной истории и традициям, поиски истоков национального мировидения. В узбекской литературе создание художественных произведений с ярко выраженной национальной ментальностью стало приоритетным направлением уже с 80-х годов прошлого века»¹ (о чем мы говорили в предыдущей главе).

Однако «новый» период в общественной жизни Независимого Узбекистана установил важные критерии объективности в плане «литературной категории».

Так, в период с начала 2000-х годов стали публиковаться рассказы, повести, миниатюры, эссе узбекских русскоязычных писателей в журналах, газетах и т.д. Появились новые литературные имена, такие как Саид Халил, Игорь Эрнст, Александр Колмогоров, Николай Ильин, Михаил Гар, Владимир Васильев, Даниэль Васильев, Ариадна Васильевна, Николай Васильковский, Яна Темиз и мн.др. Развитие их творчества можно проследить по страницам журнала «Звезда Востока».

Художественная литература – это искусство слова, заключающее в себе оценку, описание и изучение реалий действительности. В структуре любого рассказа, повести и пр. всегда содержится основная мысль, идейное умозаключение автора.

¹ Гарипова Г. Концептуальные тенденции развития узбекской литературы конца XX – начала XXI вв. // Звезда Востока, 2012. – №2. – С.130.

В зависимости от времени, от психологических, эстетических, культурных аспектов художественное произведение нередко несет в себе ярко выраженную идейную направленность (т.н. литературная категория, тематика произведения):

- 1) категория художественного времени и пространства;
- 2) «религиозная» тематика произведений;
- 3) «человечность» и аксиологическая тематика произведений;
- 4) «бытийная» тематика художественных произведений.

Рассмотрим их применительно к художественным произведениям, выявленным нами из периодического журнала «Звезда Востока».

Раздел 2. Категория художественного времени и пространства(Ариадна Васильева «Время осенних птиц», Михаил Гар «Пыль Вавилона»)

Теория художественного времени и пространства в настоящее время пользуется большой популярностью среди исследователей литературного творчества. Данная теория может быть охарактеризована как процесс в состоянии интенсивного развития. Возникают новые концепции, гипотезы по определению и изучению этого литературного явления; значительно возрастает количество работ, так или иначе связанных с разработкой проблем функционирования категорий времени и пространства в текстах художественной литературы¹.

Для определения времени и пространства художественного произведения широко используется термин «**хронотоп**» («время + пространство»), который был предложен известным русским исследователем и ученым Бахтиным М.М. в 1970-е годы XX века. По мнению Бахтина М.М., хронотоп – это не что иное, как неразрывная связь времени и пространства.

¹ См.: Бейсекулова Л.М. Категория художественного пространства в романе А.Нурпеисова «Кровь и пот»// Филологические науки в России и за рубежом: материалы междунар. науч. конф. – СПб.: Реноме, 2012. – С.50-52.

У Бахтина было много последователей, занимавшихся изучением хронотопов, рассматривавших хронотоп как единство временно-пространственных характеристик произведения.

Однако в последние годы, отчасти в противовес взглядам Бахтина М.М. и его последователей, отчасти под влиянием трудов Лотмана Ю.М., который считал художественное время величиной, производной от художественного пространства, стала намечаться тенденция раздельного изучения этих двух категорий художественного текста.

Пространство вкупе со временем являются реальными формами жизни. Понятия «время» и «пространство» отражают объективно реальные *время* и *пространство*.

Несомненным является тот факт, что окружающая действительность, отображенная писателем в произведении, находится (существует) во времени и в пространстве. С этой точки зрения в литературоведении принято образно выделять три «ветви» художественного мира, обозначаемые авторами: «Образ обязательно задан в том смысле, что любое его содержание предполагает, что оно соотнесено с кем-то, имело место где-то и когда-то. Это и есть три исходные величины, с которыми имеет дело писатель, - «три измерения» художественного мира... Без этих констант ... образ просто не может осуществить себя»¹.

Художественное время отличается не завершенностью, а наоборот, процессуальностью своего существования и развития. Знаменитый литературовед Бахтин М.М. отмечает, что существенные свойства истинного писателя заключаются в «умении видеть время, читать время..., умение читать приметы хода времени во всем, начиная от природы и кончая человеческими нравами и идеями (вплоть до отвлеченных понятий)»².

Академик Лихачев Д.С. дает такое определение художественному времени: «...это не взгляд на проблему времени, а само время, как оно

¹ Гей Н.К. Искусство слова. – М., Наука, 1967. – С.239.

² Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1969. – С.204-205.

воспроизводится и изображается в художественном произведении. Именно исследования этого художественного времени в произведениях, а не исследование концепций времени, высказываемых теми или иными авторами, имеют наибольшее значение для понимания эстетической природы словесного искусства»¹. Оно, будучи «явлением самой художественной ткани литературного произведения»², непосредственно связано с самой спецификой литературы, с ее системой образов, со всей структурой поэтики.

Время в литературе – это временной ряд в различных аспектах воплощения, функционирования, воспитания его в произведениях художественной литературы³. И, как справедливо заметил Огнев А.В., «время по-своему протекает в различных родах и жанрах»⁴. Однако в рамках данной работы мы остановимся на изучении романов русскоязычных писателей Узбекистана, опубликованных на страницах «Звезды Востока».

Конечно, теоретическое исследование художественного времени и пространства не может быть плодотворным, если это исследование не основано на изучении конкретного художественного текста. Поэтому мы рассмотрим эти художественные категории на примере писателей Узбекистана.

Среди писателей-романистов заметно выделяются **Ариандна Васильева** («Время осенних птиц») и **Михаил Гар** («Пыль Вавилона»).

С самых первых строк романа «Время осенних птиц» проявляется противопоставление категории времени категории пространства:

«Странно, они все оставались на местах, каждый за своим рабочим столом. Можно было подумать, у них шло производственное совещание. Один Сева застрял где-то между шкафом и стендом, и имел одно желание – спрятаться! Спрятаться в еще более узкую щель, вдавиться куда-нибудь, втиснуться, только бы не слышать ничего, не

¹ Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. – СПб., 1999. – С.210.

² Там же. – С.200.

³ См.: www.moluch.ru

⁴ Огнев А.В. О поэтике современного русского рассказа. – Саратов, 1973. – С.248.

видеть, не иметь, не состоять, не участвовать! Или идти на улицу и начать орать, призывать, громить все подряд!...»¹.

С чем это связано? Выбор того или иного хода взаимодействия пространства и времени заключается в идейном замысле самого автора. Именно поэтому начало повествования затронуло «далекие восьмидесятые годы» (время) и описание обстановки (пространство):

«К началу восьмидесятых годов большой частный дом номер пять на улице Садовой окончательно обветшал, облупился, стал неприглядным. Окна смотрели на мир глазами провинившегося ребенка; в осеннюю непогоду крытая старым шифером кровля протекала, потолки в комнатах покрывались слезами и ржавыми пятнами сырости»².

Жанрово-композиционные особенности романов во многом зависят именно от способов художественного воплощения временных объемов изображаемых событий³.

«Художественное время как раз и является категорией развития действия и проявляется прежде всего в характерном порядке событий в романе»⁴:

«Софья Сергеевна неизменно отвечала, что привыкла жить на земле, среди заботливо выращенных цветников и деревьев, что она умрет от тоски в скворечнике, так она называла многоэтажные дома, что ей ненавистна жизнь на виду у посторонних людей, что пусть, наконец, Андрей подождет, когда она, Софья Сергеевна, переселится в мир иной, а произойдет это событие, по всей вероятности, скоро»⁵.

И далее: «Два года назад на нее свалились награды. Она стала заслуженной, она получила орден, ее пригласили в Англию на

¹ Васильева А. Время осенних птиц. // Звезда Востока, 2012. - №2. - С.5.

² Васильева А. Время осенних птиц. // Звезда Востока, 2012. - №2. - С.5.

³ См.: www.moluch.ru

⁴ См.: Ржевская Н.Ф. Изучение проблемы художественного времени в зарубежном литературоведении. – Вестник Московского ун-та. серия Х. Филология., 1969. - №5. – С.52-57.

⁵ Васильева А. Время осенних птиц. // Звезда Востока, 2012. - №2. - С.5.

симпозиум, ее стали усаживать в президиумы на совещаниях и конференциях, куда Софья Сергеевна шла с большой неохотой»¹.

В заключении автор использует прием т.н. смены времени на пространство, олицетворяя душевное состояние своей героини:

«Страх подбирался и уже туманил рассудок, но она заставила себя снова подняться на площадку, раскрыла сумку, достала из нее носовой платок и самым тщательным образом вытерла дверную ручку. Потом сбегала вниз и очутилась *в пустом дворе с детской площадкой и скамейками по периметру*»².

Эпическое время, олицетворяющее жанрово-тематическое своеобразие, проявляется в движении времени, в движении эпохи. Именно эпичность содержания определяет эпичность времени, проявляющуюся как синтез разных временных планов с различными напряжениями действия.

В романе «Пыль Вавилона» эпичность времени, его историческая протяженность заложена в самом названии произведения. Конечно, сюжет романа не основан на исторических фактах, однако присутствие «старости» не покидает читателя. В сравнениях, умело использованных автором, угадывается некоторая оценочность бытия, окружающей действительности:

«В махалле уже знали о появлении чужаков: здесь давным-давно привыкли незаметно и быстро предупреждать друг друга об опасности. Рассказать кому – не поверят, сколько разных врывалось в махаллю с тех пор, как она появилась на свете: и ахемениды, и македонцы, и китайцы, и монголы, и джунгары... Тринадцать раз сгорал город. И снова оживал, поднимался из пепла, как птица феникс»³.

В современном литературоведении существует два определения эпического времени – 1) время, охватывающее большой отрезок истории, и 2) произведения, отражающие относительно короткий исторический период,

¹ Там же. – С.7.

² Васильева А. Время осенних птиц. // Звезда Востока, 2012. - №4. – С.40.

³ Гар М. Пыль Вавилона. Повесть // ЗвездатВостока, 2013. - №1. – С.9.

в который происходят самые важные события в жизни народов, стран, отдельных людей и т.д.

Так, роман «Пыль Вавилона» с некоторой натяжкой можно отнести ко второму виду произведений, содержащих эпическое время.

В исторических романах, созданных в канун эпохи Независимости, границы художественного времени (а иногда художественного пространства) почти идентичны: границы охватывают сравнительно небольшой, но судьбоносный, исторический период¹.

Пространство в литературном произведении – это континуум, в пределах которого размещаются герои и развиваются описываемые события. Однако, художественное пространство не всегда соотносится с реальным. Согласно Н.О.Джуанышбекову, оно «может быть фантастическим, воображаемым, онейрическим. Таким образом автор и его персонажи могут существовать как бы в двух пространственных измерениях – *бытийном* (внешнем) и *психологическом* (внутреннем)»².

В романе «Пыль Вавилона» на бытийном уровне часто упоминается пространство «*тетрадь*»:

Тетрадь в черном коленкоровом переплете, совсем тоненькая. Несколько страниц вырваны, судя по неровным краям – в спешке. Остальные покрыты крупным, торопливым почерком; отдельные слова и предложения густо замазаны чернилами³.

На бытийном уровне *тетрадь* – это некоторое пространство, вмещающее в себя страницы, слова и предложения. Но на психологическом уровне *тетрадь* – вместилище переживаний, в которых раскрывается сущность героев, их воспоминания и т.д.:

¹ См.: Тураева Б.Б. Категория художественного времени в литературе (на примере узбекских исторических романов). // Молодой ученый, 2014. - №3. – С.853-856.

² Джуанышбеков Н.О., Темирболат А.Б. Теория литературы. – Алматы, 2009. – С.53.

³ Гар М. Пыль Вавилона. Повесть // ЗвездатВостока, 2013. - №1. – С.9.

Я быстро пролистал страницы – и перед глазами, как отстающие от поезда, промелькнули строчки: «...наискосок, через пустыню... сегодня он царь ... северные ворота...»¹.

Приведем другой пример с пространством «*переулок*»:

Машина остановилась у входа в Вагонный проезд – *переулок был слишком узок*, чтобы позволить ей подъехать к нашему дому: казалось, что стены других домов и глиняные заборы при ее появлении сомкнулись еще теснее².

Пространство «переулок», использованное автором для описания определенных событий, играет большую роль в тексте: происходит конкретное «сужение» пространства для описания состояния не только переулочка, но и внутреннего состояния героя, передает его эмоции:

В переулке, где обычно в это время собирались женщины, посудачить у водопровода, и старики, чтобы, присев на две низенькие, вкопанные в землю друг против друга скамейки, прислонить спины к нагретым за день стенам, и дети, которым доставляло радость копошиться в пыли и мочить лепешки под водопроводной струей, - в переулке не было ни души³.

Исследуя найденные нами примеры, можно сделать вывод, что художественное пространство включает в себя два слоя: поверхностный и глубинный. Под поверхностным мы можем иметь в виду реальность, в которой изображается авторское действие. На глубинном уровне происходит переосмысление бытовых реалий со значением пространственности окружающей действительности в связи с «ценностями картины мира», то есть реализуются пространственные образы-символы⁴.

Первый уровень связан с объективной стороной художественного пространства, а второй – с субъективной. Как замечает Джуанышбеков Н.О.,

¹ См.: Там же. – С.9.

² Гар М. Пыль Вавилона. Повесть // ЗвездатВостока, 2013. - №1. – С.9.

³ Там же. – С.10.

⁴ См.: Бейсекулова Л.М. Категория художественного пространства в романе А.Нурпеисова «Кровь и пот»// Филологические науки в России и за рубежом: материалы междунар. науч. конф. – СПб.: Реноме, 2012. – С.50-52.

«объективность пространства состоит в том, что оно является естественной формой существования реального мира, в то время как субъективность обусловлена чувственным подсознанием человека»¹.

Это выражение можно трактовать следующим образом: в зависимости от мировоззрения, мироощущения пространство «переулок» может восприниматься по-разному. Для машины, въезжающей в него – это место «парковки» (объективная сторона), а для героя – это нечто большее, связанное с его жизнью в том месте (субъективная сторона).

Таким образом, категории художественного времени и художественного пространства, рассмотренные нами, присущи произведениям с определенными жанрово-композиционными особенностями.

Раздел 3. «Религиозная» тематика произведений

(Ирина Родина - статья)

«В современной прозе на религиозные темы уже выработались определенные типологические черты. Прежде всего это реалистическая, традиционная манера письма, без подтекстов и вторых планов, где каждое слово однозначно и самодостаточно. Главный герой, как правило, - новообращенный. Отсюда свежесть и неискушенность, некоторая робость взгляда на еще малознакомый мир, обостренность восприятия и стремление к психологической мотивировке образов. Отсюда сюжет, движение которого определяется постепенностью постижения Истины, принятия Веры, открытия Таинств»².

Что касается литературы Узбекистана, то очень часто в современную узбекскую прозу и поэзию стали просачиваться моменты религиозной тематики. Об этом свидетельствует большое количество статей, опубликованных в журнале «Звезда Востока».

¹ Джуанышбеков Н.О., Темирболат А.Б. Теория литературы. – Алматы, 2009. – С.52.

² См.: www.1abzac.ru

Так, Сыздыкбаев Нургали утверждает, что появление религиозной тематики в литературе узбекских писателей связано прежде всего «с изменившимися на рубеже веков общественно-политическими, социокультурными и нравственными ценностями религиозная тематика вновь стала привлекать внимание писателей. Духовность проявляет себя через религию, ее заповеди»¹.

Ирина Родина в статье «Духовно-культурологические основы «религиозной» тематики в современной русской и узбекской литературе» характеризует литературный процесс «переходного» периода (XX-XXI вв.) так: «Литературный процесс рубежа XX – XXI веков, вне зависимости от «национальных» координат, характеризуется пристальным вниманием к вечным вопросам человеческого бытия – постижение Смысла жизни, поиски Бога, обретение Его и осознание Человеком самого себя частицей божественного мира. В пространстве «культурологического миллениума» двух, экзистенциально означенных веков, религиозный вопрос – Что есть Бог? – становится вновь актуальным не только для русской литературы, которая на протяжении всего своего развития отражала духовный путь человека к самому себе, к познанию высшего смысла бытия через проблему обретения в себе и для себя Бога, но и для современной узбекской литературы, в ином духовно-культурологическом ключе выстраивающей модель взаимоотношений «Бог – Человек»². Среди произведений, отмеченных как использовавшие религиозную тематику, критик выделяет «Плаху» Чингиза Айтматова.

И.Родина отмечает, что религиозная тематика в русской и узбекской литературах имеет два варианта изложения – собственно церковные книги и обыгрывание религиозных тем на образном, сюжетном, символично-метафорическом уровне. Также автор говорит о большом вкладе Фитрата, Гайрати, Сабира Абдуллы в развитие сатирической антирелигиозной

¹ Сыздыкбаев Н. Мотивы бунта и смирения сквозь призму мифопоэтики. // Звезда Востока, 2011. - №2. – С.139.

² Родина И. Духовно-культурологические основы «религиозной» тематики в современной русской и узбекской литературе. // Звезда Востока, 2012. - №3. – С.139-140.

литературы. Однако «в конце XX века и в русской и в узбекской литературах в системе совершенно иных «новых жизненных идеалов» актуализируется обращение к религиозной тематике вне сатиры, вне социального проектирования, с репрезентацией бытийных и персонологических, порой подчеркнуто экзистенциальных, ценностно-аксиологических координат»¹, - говорит Родина И.

В конце своей статьи, рассмотрев романы Ф.Светова «Отверзи ми двери» и Улугбека Хамдама «Бунт и смирение», И.Родина приходит к выводу, что «обращение к религии, мыслимой как путь к Богу, к вере, во все времена воспринималось людьми как единственный путь духовного спасения. Вся история человечества – это путь обретения утраченной веры. И вопрос об этом пути в равной степени ставится и в русской религиозной прозе как отдельной системе, и в современных произведениях нерелигиозных, но включающих в свое текстовое пространство религиозные неомифы, поскольку поиски истинной веры современным человеком продолжаются независимо ни от эпохи, ни от национальности»².

Таким образом, «религиозные» темы, просвечивающие в произведениях писателей на страницах журнала «Звезда Востока», в последнее время (начало XXI века) стали достоянием русскоязычной литературной традиции Узбекистана.

Раздел 4. «Человечность» и аксиологическая тематика произведений

«Важнейшие изменения в социальной жизни общества затронули, в первую очередь, вопросы художественно-эстетического осмысления человека и его жизни в новых реалиях, – вопросы, обозначенные

¹ Родина И. Духовно-культурологические основы «религиозной» тематики в современной русской и узбекской литературе. // Звезда Востока, 2012. - №3. – С.140.

² См.: Там же. – С.144.

философскими, этическими, нравственными и эстетическими сдвигами с социально-личностной проблематики в сторону личностно-бытийной»¹.

«Раз этот мир позволяет смотреть на себя твоими глазами, отплати ему за это частичкой своей души»². Это высказывание самаркандского автора **Саида Халила** отражает размышления автора о человеке, о его судьбе, о его мире, о его взаимоотношениях с другими людьми. Художественный мир этого писателя своеобразный и тонкий – все свои мысли, наполненные глубокими раздумьями, он вкладывает в несколько строк: афоризмы и остроумные фразы.

Например:

«Молчание – знак категорического, но безнадежного несогласия.

Много великих дел происходит благодаря человеческому терпению. Большинство подлых поступков тоже происходит из-за того, что человек терпит.

Если во всем виноват кто-то другой, то, возможно, этот другой все и создал, а вы ни причем...

Подхалим, как старое кресло: немного скрипит, но обволакивает хорошо.

Если он на тебя обиделся, значит, он обиделся не на твое оскорбительное отношение к нему, а из-за того, что ты не тот человек, который может позволить себе это.

Когда кто-то учит меня жить, он просто высказывает вслух свое видение идеальной жизни. Чтобы меня учить жить, надо быть мной, а это невозможно»³ и пр.

Кроме взаимоотношений человека с другими людьми, Саид Халил говорит и о патриотизме, об обязанности каждого гражданина защищать свою Родину:

¹ Там же. – С.131.

² Звезда Востока, 2012. - №2. – С.120.

³ Саид Халил.// Звезда Востока, 2011. - №2. – С.120-121.

«Ты можешь послушаться меня и полететь в Ташкент самолетом или наоборот, можешь направиться туда же пешком, с обратной стороны, или обходными путями через горы. Но это в том случае, если ты Марко Поло, а не менеджер фирмы по поставке компьютеров»¹.

Мы уже говорили о том, что все русскоязычные Узбекистана проводят как бы две параллели, представляя свою историческую родину и родной Узбекистан.

Тема Узбекистана, его жизни и развития охватывает все творчество молодого журналиста и писателя **Темиз Яны**. Название одного ее рассказа «Фантомная боль Ташкента» - говорит за себя.

Рассказ пропитан чрезвычайно острым чувством патриотизма. Великолепно описывает автор природу Ташкента, его улицы:

«Есть города, которые мечтаешь увидеть. Кажется, знаешь о них все, даже если никогда там не был. Париж, Петербург, Стамбул... Возникают перед глазами знакомые (откуда?) силуэты, башни, купола, колонны... у каждого свой фантом, свой собственный тайный, вымечтанный Рио-де-Жанейро.

И, как миражи, как летучие голландцы, живут в нашем сознании эти города-призраки.

Для меня таким стал Ташкент»².

Сравнивая Ташкент со знаменитыми городами мира, автор, несомненно подчеркивает его незаменимость. Никогда не бывая в нем, главный герой все время представляет себе все его великолепие, хочет быть чем-то привязанным к нему:

«И мой первый бал оказался праздником, где мне предстояло примерить на себя роль восточной принцессы – такой казалась мне неведомая, живущая в загадочном Ташкенте девочка-узбечка с двадцатью пятью косичками. Я немножко балерина, немножко

¹ Там же. – С.120-121.

² Темиз Яна. Фантомная боль Ташкента. Рассказ.// Звезда Востока, 2012. - №3. – С.9.

сказочница, немножко актриса... я первоклассница из Москвы, на улице мокрый снег, в школу нужно носить серый мешок со сменкой, а сегодня еще и сумку с маскарадным костюмом»¹.

Очень трепетно Яна Темиз описывает национальную гордость – костюм узбекской девушки:

«Где и как раздобыла бабушка в снежной Москве начала семидесятых настоящую вышитую тюбетейку? И этот странный шелк с яркими узорами для недлинного халата? А для малиновых шаровар пришлось пожертвовать подкладкой старого атласного одеяла... нет- нет, я все равно была настоящей узбекской царевной, никто бы не узнал в них подкладки – и старые шлепанцы, которые дома называли «старик Хоттабыч» были переделаны как-то так, что я чувствовала себя Царь-девицей»².

Всю свою жизнь главная героиня мечтала посетить Ташкент. И что она видит? Писатель тонко подметил все изменения, происшедшие в городе со времен принятия Независимости и передал их читателю через своего героя:

«...современный город тонкой тканью накинута на старый Ташкент. Несколькими слоями – каждый со своим узором и орнаментом – накрывает любой город время.

Иногда кажется, что ткань времени рвется, проступает другой слой... появляется город-мираж, манящий и удаляющийся, город-призрак, город-символ – с его узорчатыми башнями, арыками, цветущими садами.

Город – как узор на старинном ковре, повторяющийся мотив в орнаменте моей жизни»³.

Для более детального описания ощущений и представлений о Ташкенте писатель искусно использовал сравнительные обороты: *город – как узор на старинном ковре, город-призрак, город-мираж, город-символ* и т.д.

¹ Там же. – С.9.

² Темиз Яна. Фантомная боль Ташкента. Рассказ.// Звезда Востока, 2012. - №3. – С.10.

³ Там же. – С.11.

Показательным является использование автором исконно узбекских слов, повторяющихся не один раз:

Старый город

Есть в каждом из нас, он невидим, внутри:

Минареты, арыки, чинары, углы, фонари.

«И я опять хочу в Ташкент... кажется, это неизлечимо...»¹.

Развитие русскоязычной прозы в Узбекистане не может происходить без взаимодействия различных культур. Так, в произведениях **Игоря Эрнста** (в частности, в рассказе «Твой рейс») национальное видение мира переплетается с иностранным, что проявляется в некой фантастичности сюжета и описаниях:

«Весь день я бродил среди развалин тевтонского замка, стоявшего на холме, взбирался на огромные обломки стен и башен, больше похожих на скалы, и сверху оглядывал окрестности, воображая себя безраздельным властелином здешних мест»².

И снова в повествовании угадывается ностальгия по прошедшим чувствам в сравнениях с современным городом:

«Любимый городок неузнаваемо изменился. Живописные холмы покрылись многоэтажными домами, по улицам, прижимаясь к земле, крались автомобили, тротуары заполнили равнодушные прохожие. Я поворачивал за угол, зная, что увижу милый с детства уголок и испытывал потрясение – серые железобетонные конструкции заменили причудливые старинные здания, на месте скверов с густой зеленью вилась пыль над горячим асфальтом.

Навсегда исчезнувшие городские пейзажи остались в памяти свидетельствами существования иного мира, в котором мне посчастливилось побывать»³.

¹ Темиз Яна. Фантомная боль Ташкента. Рассказ. // Звезда Востока, 2012. - №3. – С. 11.

² Эрнст И. Твой рейс. Рассказ. // Звезда Востока, 2012. - №3. – С.15.

³ Там же. – С.15.

В своей статье «Диалог культур в современном литературном процессе Узбекистана» Александра Давшан замечает, что «В многонациональном центральном среднеазиатском регионе образ жизни, исторические события, религиозная принадлежность способствовали постоянному взаимодействию нескольких культур.

Сращение национальных миров в поэтической авторской картине отличает индивидуальный стиль современных прозаиков и поэтов, представляющих русскоязычную литературу Узбекистана. Этих авторов не много»¹. Среди новаторов в литературном процессе она называет **Марту Ким** (изучены представления и образы мировой культуры, в которых автор не разграничивает «свое» и «чужое»): «Русский менталитет, русская образность ее поэзии связана с использованием идиоматических выражений («хлеб-соль», «рубить с плеча», «бабье лето»), упоминанием классических литературных образов («поверженный Демон», «печаль есенинской березы», «белая стая стихов», «вечерний звон»), обращением к символам народного творчества («журавлиная стая», «прощальный крик журавлей», «полынь-трава», «плакучая ива»), включением в собственный текст, чаще в усеченной форме или одним характерным словом, цитат из русской классики («минувших дней воспоминанье», «память сердца», «невстреча»). Присутствие распространенных библейских изречений («все суета сует», «разбрасывать камни», «собирать камни») свидетельствует об усвоенных идеях и ценностях общемирового культурного уровня.

Восточные реалии создают особое восприятие, видение предмета, а не его узнавание». «Поэтический почерк М. Ким ассоциативен и предполагает дальнейшие поиски. Название нового сборника стихов «Седьмое небо», упоминание семи холмов, семи флейт, семи фей заставляет вспомнить значение гептады, великой семерки, идеального выражения господства духа над формой или числа жизни, как утверждают разные религии»².

¹ Давшан А. Диалог культур в современном литературном процессе Узбекистана. // Звезда Востока, 2012. - №3. – С.130.

² Там же. – С.130-131.

Как современного писателя А.Давшан высоко ценит **Дину Рубину** и ее роман «На солнечной стороне улицы» (2006), **Динару Абдулову** и ее «Возвращение» (1999), **Евгения Абдуллаева** и его «Ташкентский роман» (2005): «Весьма разные авторы, выросшие в Ташкенте, представили мироустройство с одинаковыми ценностями и выбрали героев внутренне близких друг другу. Временные рамки романов также одинаковы, точка отсчета – Вторая мировая война. В отличие от жесткого реализма (*«Ах, война, что ты, подлая, сделала...»*) или трагического лиризма (*«Мой милый, если б не было войны...»*), характерных русской литературе, создатели названных романов разбираются в судьбах не столько участников войны, сколько их потомков. Главным героем становится поколение «детей»¹.

Главным критерием при оценке этих произведений А.Давшан считает отнесенность их к особой форме повествования – характеристике и описанию состояния души человека (главных героев), существование и развитие которой размещается в широкий диапазон временного пространства: «Для этих романов характерна растянутость времени. То незнаемое, далекое и прекрасное для отцов время протягивается к настоящему и нарушает хронологические рамки. Если попытаться определить реальный возраст персонажей в соответствии с финальной атмосферой, то герои окажутся намного старше изображенных авторами»².

А.Давшан говорит, что для вышеназванных авторов «ценнее распахнутость мира и доступность мировой культуры на самом разном уровне». При этом все художественные произведения современных литераторов критик ассоциирует с Востоком, с определенным видением каждого автора своей родины: «Новыми гранями открывается Азия у писателя каждого поколения. Из образа таинственного и загадочного она всё

¹ Давшан А. Диалог культур в современном литературном процессе Узбекистана. // Звезда Востока, 2012. - №3. – С.132.

² Там же. – С.133.

больше превращается в реальный, но при всех условиях сохраняет и расширяет свою поэтическую сущность...»¹

Взаимодействие различных культур отображается в поэтике каждой из них по-разному: философски, мифологически, эстетически и пр. Как справедливо отмечает Гульчир Гарипова, «узбекская литература занимала особое место в системе мирового литературного процесса в силу очень самостоятельного оригинального синтетизма реализма и модернистских неомифологических явлений, обозначенного в поэтике узбекских просветителей Фитрата и Чулпана, Бехбуди и Гайрати»².

Поэтике названных писателей и философов узбекского народа посвящено много публикаций, в частности в №2 «Звезды Востока» (2011) Владимирова Н. так пишет о новеллистическом творчестве Фитрата («Абдулфаизхон», «Арслан», «Судный день», «Захронинг имони» и др):

«Красота художественного слова заменялась красотой, идея – общим для всех разрушением мечты и иллюзии – напором грубой силы, именуемой в дальнейшем в литературе единой системой социалистического реализма.

И писатель, чувствуя наступление общей дисгармонии, в своих произведениях, в частности, в новеллах, именуемых по сей день антирелигиозной сатирой, все еще пытался отрицать гибель в этом всеобщем хаосе и мира человеческой души, и первозданной красоты вселенной и человеческой духовности. В этом сплошном хаосе смещаются понятия, опошляются взгляды, и новеллы Фитрата пытаются отобразить это движение, это падение нравственности, того, что считалось священным. Он обнажает противоречия жизни и делает это решительно. Писатель черпает вдохновение в народной поэзии, в классической литературе Востока и Запада, и его голос оставил, несомненно, глубокий след в культуре народа»³.

¹ Там же. – С.133.

² Гарипова Г. Концептуальные тенденции развития узбекской литературы конца XX – начала XXI вв. // Звезда Востока, 2012. – №2. – С.132.

³ Владимирова Н. Новеллистическое творчество Фитрата. // Звезда Востока, 2011. - №2. – С.134.

«...сильное, реалистически обозначенное художественное мировидение, содержащее в себе историософскую концепцию – просветительская миссия литературы в предопределении новой истории народа, – сочеталось с такими критериями неклассической поэтики, как игра условно-фантазмагорическими образами, сгущение символики и расширение ее содержательной функции, а также художественное освоение мифостилизации»¹, - говорит об узбекских просветителях Гарипова Г.

В подтверждение этому – фантастическая повесть Владимира Васильева «Прости им...»:

*Негоже людям смешивать миры,
Которые вовек несовместимы.
Случайный сбой божественной игры
О, Боже всепрощающий, прости им!..*²

Итак, «аксиологическая» ценность произведений, опубликованных на страницах «Звезды Востока», имеют свою целенаправленность: они учат «человечности», гармонии, побуждают к патриотизму.

Раздел 5. «Бытийная» тематика художественных произведений

Бытие – понятие не столько «исконно художественное», сколько эстетическое. Несмотря на это, бытийность становится одним из главных критериев при оценке того или иного произведения искусства литературы. Связано это прежде всего с тем, что через посредство бытия автор имеет возможность передать идейный замысел своего произведения, дать характеристику тому или иному событию, явлению.

Вот как характеризует художественный текст Ю.Борев: «Художественный текст – это носитель концептуально нагруженной и ценностно ориентированной информации, физическое бытие социально

¹ Гарипова Г. Концептуальные тенденции развития узбекской литературы конца XX – начала XXI вв. // Звезда Востока, 2012. – №2. – С.132.

² Васильев В. Прости им... Повесть. // Звезда Востока, 2012. - №2. – С.21.

значимой художественной мысли»¹. Т.е. бытие определяется социальными условиями, отраженными в произведениях.

Так, **Николай Васильковский** в «Воспоминаниях о Фергане» повествует о детстве, юношестве, проведенных в родном краю.

«Я был в семье вторым сыном. Кроме старшего брата Георгия была сестра Антонина, или как мы ее звали Ляля, моложе меня на два года. По словам матери, предшествующие моему рождению 3-4 года были лучшей порой ее жизни. Ее муж, мой отец, был чиновником, по-видимому, небольшого ранга»².

Казалось бы, всего лишь описание «обычной» жизни. Однако для истинного автора самые детальные описания существования являются отражением бытия – не только предметного, но и духовного, культурного.

На протяжении всего повествования читатель переосмысливает написанное автором, акцентирует свое внимание на каких-то определенных деталях с целью понять ценность «воспоминаний». В этом заключается основная работа художника слова – заставить читателя переосмыслить ценности.

Таким образом, рассмотрев временную и пространственную категорию художественных произведений, «религиозную» тематику их, методы и приемы освещения аксиологических аспектов бытия, мы можем сказать, что русскоязычная художественная литература Узбекистана в период с XX по XXI вв. все больше проявляет в себе «национальное» вкупе с культурным наследием других народов.

Среди прозаических произведений начала XXI века отдельно стоит рассмотреть, на наш взгляд, «Интервью с отцом» **Илоны Ильясовой** (дочери выдающегося писателя Явдата Ильясова).

«Девять повестей и романов, четыре сценария, сотни стихотворений, статей и переводов – таковы итоги творческой деятельности

¹ См.: www.gumer.info

² Васильковский Н. Воспоминания о Фергане. // Звезда Востока, 2012. - №2. – С.60.

Явдата Ильясова, жизнь которого оборвалась на взлете его таланта в 53 года (1929 – 1982).

Почти все его книги – «Тропа гнева», «Пятнистая смерть», «Черная вдова», «Согдиана», «Месть Анахиты», «Заклинатель змей» – стали бестселлерами и неоднократно переиздавались в Узбекистане массовыми тиражами. Некоторые произведения писателя публиковались в России, Таджикистане, Литве, Словакии, Греции и других странах. Общий тираж его изданий – около 4 миллионов экземпляров»¹.

«Интервью» дочери с отцом – дань творческому таланту писателя Я.Ильясова. В основе сюжета данного произведения лежит повествование о личном, духовном и творческом развитии писателя. В самом начале текста звучит вопрос: «Как ты оказался в Узбекистане?» В своих ответах (не только на этот вопрос) Явдат Ильясов отвечал скромно, но с чувством гордости за свою родину – Узбекистан:

«В 30-е годы эта долина была настоящими джунглями – заболоченная местность, масса воды, которая текла, как ей заблагорассудится. Повсюду росли камыш, токай, тамариск. В зарослях обитали шакалы, из-под каждого куста вылетали фазаны...»

Правдивость повествования, красочность оттенков детства, юности, «взрослости», незаметные порывы души – все рассказал Явдат Ильясов. Не забыл он упомянуть и годы войны, как впервые услышал о ней:

«– Однажды я пошел на почту – по домам газеты не развозили. Такая была халупа – наша почта. Около нее какой-то дядька спрашивает: «Война началась, слышали?»».

Зашел на почту, а мне говорят: «Газет сегодня нет». Тут же собралось несколько человек. Вместо газет вышел бюллетень о нападении Германии на нашу страну».

«Проклятое, жуткое было время, лучше не вспоминать...»

¹ Звезда Востока, 2012. - №4. – С.67.

Поразительна концовка «Интервью» - она оборвалась в связи со смертью выдающегося писателя. Но постоянные его слова о его жизни Илона Ильясова запечатлела в последних строках:

«Интервью с отцом осталось незавершенным, но, как говорил он от лица Омара Хайяма в повести «Заклинатель змей», «Я написал о себе все в своих книгах. Читайте их и узнаете меня».

Таким образом, мы установили, что понятие «бытие» является философским, однако, этот факт не может быть не воспринят в писательской деятельности. «Бытие» пронизывает всю жизнь человека, а значит, и описание его жизни – литературное произведение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце 20-х и начале 30-х годов XX века русскоязычные писатели все шире и глубже начинают осваивать жизнь Востока. Появляется такая наука, как **ориентализм** – изучение и исследование аспектов жизни в различных сферах деятельности человека в отношении проявления «восточного колорита». Это такие сферы, как религия, быт, экономика, история и многие другие.

Интерес русской литературы к Средней Азии, в частности к Узбекистану, возрастает примерно в 40-50-х годах XX века. В литературной жизни того времени наиболее заметный след оставил Б.Лавренев. Также со Средней Азией была связана литературная деятельность Д.Фурманова.

Исторические памятники, города и селения Узбекистана привлекают писателей и поэтов не меньше.

Показательно, что такой древний и красивый исторический город Узбекистана, как Самарканд, всегда интересовал народы многих государств не только как исторический памятник, находящийся на пересечении торговых дорог Великого Шелкового Пути, но и как страна, отдельная часть территории узбекского народа, со своим, нетронутым, девственным колоритом сказочности и реальности.

Итак, в ходе нашего исследования мы выяснили, что тема Узбекистана и узбекского народа в частности занимает важное место в творчестве русскоязычных писателей Узбекистана XX – XXI вв. (на материале журнала «Звезда Востока»). Мы определили, что эта обширная тема раскрывается в трех аспектах:

1) Изображение реальной жизни узбекского народа, отражение местных языковых, культурных, топографических и религиозных реалий, это обращение авторов к историческому наследию узбекского народа, воспевание городов Узбекистана (Михаил Гар «Золотая пыль махали», Яна Темиз «Фантомная боль Ташкента», Николай Васильковский «Воспоминания о Фергане» и др.).

2) Литературная традиция. И таких традиций две, существование которых вполне ощутимо в произведениях русскоязычных писателей (лирическая и прозаическая литературные традиции).

3) Своеобразие использования языка.

Рассматривая и анализируя критическую литературу, выявленную нами из журнала «Звезда Востока», мы выяснили, что с обретением Независимости уровень эстетического, межкультурного наследия в произведениях современных писателей и поэтов достигает все более новых высот.

Таким образом, исследуя тему нашей выпускной квалификационной работы, мы:

- рассмотрели жанровые особенности русскоязычной литературы Узбекистана на основе произведений поэтов и писателей, опубликованных на страницах «Звезды Востока»;
- раскрыли все своеобразие жанровых и стилевых особенностей русскоязычной прозы и поэзии Узбекистана исследуемого периода (середина XX – начало XXI вв.), а также специфические аспекты жанровых особенностей в стихосложении и в структуре прозы русскоязычных поэтов и писателей Узбекистана (на материале журнала «Звезда Востока»).

Итоги нашего исследования изложены в следующих **выводах**:

- Становление литературного национального языка происходит у того или иного народа, ставшего на путь прогрессивного

культурного развития, когда литературная (художественная) речь приобретает наибольшее значение, когда происходит «культурный», «аксиологический» обмен народов.

- Русскоязычная поэзия и проза Узбекистана вследствие межкультурных связей, с одной стороны, остается национальной, а с другой – впитывает в себя элементы узбекской культуры.
- Литературный процесс находится в непрерывном развитии: русскоязычная проза Узбекистана рассмотрена нами с позиций: художественного времени и пространства, функционирования идейного содержания художественных произведений.

«В целом, литературный процесс на территории Узбекистана по сути являлся процессом освоения и усвоения культурных моделей (Михаил Гар «Пыль Вавилона», Ариадна Васильева «Время осенних птиц» и др.). Особенности узбекской литературы в значительной степени обусловлены ее географией – удаленностью от очагов европейской культуры, близостью евразийской по своим ориентирам России и генетической близостью с мусульманским Востоком.

Сам факт нахождения на территории современного Узбекистана крупнейших в прошлом мировых центров персидской культуры – Бухары и Самарканда – многому обязывает и может восприниматься как своего рода эстафета.

Значительный потенциал, богатейшие культурные традиции, положение на стыке культур – все эти факторы дают основание ожидать появления новых интересных произведений синтетического характера в узбекской литературе и культуре в целом»¹.

¹ www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Каримов И.А. Гармонично развитое поколение – основа прогресса Узбекистана // Речь на IX сессии Олий Мажлиса Республики Узбекистан Первого созыва, 27 августа 1997 г. –Ташкент: Шарк, 1997.
2. Каримов И.А. Наша высшая цель–независимость и процветание Родины, свободы и благополучия народа.–Ташкент: Узбекистан, 2000.
3. Каримов И.А. Миллий истиклол мафкураси этикод ва буюк келажакка ишончдир. – Ташкент: Узбекистон, 2000.
4. Каримов И.А. Баркамол авлод – Узбекистон тараккиятининг пойдевори. – Ташкент: Шарк, 1998.
5. Каримов И.А. Высокая духовность – непобедимая сила. – Ташкент: Узбекистан, 2009.
6. Каримов И.А. Дальнейшая модернизация и обновление страны– требование времени// Доклад Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова от 13 февраля 2009.
7. Каримов И.А. Мировой финансово-экономический кризис, пути и меры по его преодолению в условиях Узбекистана. – Ташкент: Узбекистан, 2009.
8. Каримов И.А. Концепция дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране // Доклад Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова. Газета «Народное слово». 19 ноября, 2010.

9. Наш путь – углубление демократических реформ и последовательное продолжение модернизации страны. // Доклад Президента Республики Узбекистан И.А.Каримова от 8 декабря 2012 года.
10. Указ Президента Республики Узбекистан 346. О дальнейшем совершенствовании системы подготовки и аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации. Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2012 год.

II. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

11. Н.Бурова. Зеленые шары . Изд.: им. Г.Гуляма, - Ташкент, 1974.
12. Васильева А. Время осенних птиц. // Звезда Востока, 2012. - №2.
13. Васильев В. Прости им... Повесть. // Звезда Востока, 2012. - №2.
14. Васильковский Н. Воспоминания о Фергане. // Звезда Востока, 2012. - №2.
15. Владимирова Н. Новеллистическое творчество Фитрата. // Звезда Востока, 2011. - №2.
16. Гар М. Пыль Вавилона. Повесть // ЗвездатВостока, 2013. - №1.
17. Гарипова Г. Концептуальные тенденции развития узбекской литературы конца XX – начала XXI вв. // Звезда Востока, 2012. – №2.
18. Давшан А. Диалог культур в современном литературном процессе Узбекистана. // Звезда Востока, 2012. - №3.
19. Родина И. Духовно-культурологические основы «религиозной» тематики в современной русской и узбекской литературе. // Звезда Востока, 2012. - №3.
20. Саид Халил. // Звезда Востока, 2011. - №2.
21. Сомова С. Красные гвоздики. - М., 1960.
22. Сыздыкбаев Н. Мотивы бунта и смирения сквозь призму мифопоэтики. // Звезда Востока, 2011. - №2.
23. Татаринова Н. Граната цвет. Изд. литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1985.

24. Темиз Яна. Фантомная боль Ташкента. Рассказ. // Звезда Востока, 2012. - №3.
25. Тураева Б.Б. Категория художественного времени в литературе (на примере узбекских исторических романов). // Молодой ученый, 2014. - №3.
26. Эрнст И. Твой рейс. Рассказ. // Звезда Востока, 2012. - №3.
27. Якубов А. Потомок страны белых аистов. // Литературный календарь, 2007. - №6.
28. Звезда Востока, 2011. - № 1-3.
29. Звезда Востока, 2012. - № 1-4.
30. Звезда Востока, 2013. - № 1-4.
31. Литературный календарь, 2007.- №6.
32. Молодой ученый, 2014. - №3.

III. НАУЧНО-КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

33. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1969.
34. Бейсекулова Л.М. Категория художественного пространства в романе А.Нурпеисова «Кровь и пот»// Филологические науки в России и за рубежом: материалы междунар. науч. конф. – СПб.: Реноме, 2012.
35. Гей Н.К. Искусство слова. – М., Наука, 1967.
36. Джуанышбеков Н.О., Темирболат А.Б. Теория литературы. – Алматы, 2009.
37. Иванов А. Полдень моих надежд. – Ташкент: Изд. им. Г.Гуляма, 1973.
38. Каюмов Л. Вступительная статья. // Писатели сов. Узбекистана. Библиографический справочник. – Ташкент: Изд. им. Г.Гуляма, 1977.
39. Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. – СПб., 1999.
40. Огнев А.В. О поэтике современного русского рассказа. – Саратов, 1973.
41. Ржевская Н.Ф. Изучение проблемы художественного времени в зарубежном литературоведении. – Вестник Московского ун-та. серия Х. Филология., 1969. - №5.

42.Средняя Азия в творчестве русских сов. писателей. – Ташкент: Фан, 1977.

IV. ИНТЕРНЕТ-МАТЕРИАЛЫ

43.www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie

44.www.moluch.ru

45.www.gumer.info

46.www.1abzac.ru

47.www.zvezdavostoka.uz

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	3
ГЛАВА I ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ В УЗБЕКИСТАНЕ конца XX – начала XXI вв.	8
Раздел 1 О журнале «Звезда Востока» как отражении литературной традиции в Узбекистане	8
Раздел 2 Художественная речь и поэтические школы Узбекистана	10
ГЛАВА II ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ И ПРОБЛЕМАТИКА ЖУРНАЛА «ЗВЕЗДА ВОСТОКА»	13
Раздел 1 Тема Родины в русскоязычной литературе (середина XX – начало XXI вв.)	13
Раздел 2 Категория художественного времени и пространства	38
Раздел 3 «Религиозная» тематика произведений	45
Раздел 4 «Человечность» и аксиологическая тематика	47

	произведений	
Раздел 5	«Бытийная» тематика художественных произведений	55
	Заключение	59
	Список использованной литературы	62